

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ДЭЖЁ Л.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА И ШКОЛА А. А. ХОЛОДОВИЧА

Направление, разрабатываемое школой А. А. Холодовича, — это одна из разновидностей общей типологии, отличающаяся от типологии, направленной на изучение типов. Настоящая статья не ставит целью дать общую оценку лингвистической деятельности выдающегося советского лингвиста А. А. Холодовича и его последователей¹. Она посвящена только рассмотрению новых типологических концепций, которые связаны с его школой. После краткой характеристики истории общей, или универсальной, грамматики и других источников теории Холодовича в статье рассматриваются теоретические концепции А. А. Холодовича, а также развитие его идей в деятельности его последователей. Статья завершается анализом места универсальной грамматики в современной типологии.

1. В развитии общей грамматики можно выделить два направления: одно восходит к всеобщей и рациональной грамматике Пор-Рояля и разрабатывается во французском общем языкознании XIX в., а другое берет свое начало от трактата В. Гумбольдта о двойственном числе (1827) и находит своих последователей в немецкой лингвистике XIX в. Фактически обе линии четко не обособляются, а в ранней деятельности Л. Ельмслева они даже сливаются. Анализируя истоки идей де Соссюра, А. А. Холодович, однако, подчеркивает именно французскую традицию общей грамматики. Ему было ближе как раз то направление, которое характерно для французского языкознания. Особенно ярко оно представлено трудами Бреалья, который в отличие от многих своих современников сумел должным образом оценить большое значение философской грамматики. Он писал: «Такое разыскание не может не быть плодотворным, и всякое расхождение между грамматикой философской и грамматикой экспериментальной должно повести к рождению новых идей о природе языка и о развитии человеческого мышления» [1, с. 663]. Вместе с тем на взгляды А. А. Холодовича в определенной мере оказали влияние идеи де Соссюра. Это явствует из его характеристики деятельности швейцарского лингвиста, который давал высокую оценку роли общей грамматики в языкознании. Однако истоки взглядов А. А. Холодовича можно найти прежде всего в русской и советской общей лингвистике, в особенности в работах Л. В. Щербы. Большое влияние на концепцию Холодовича, безусловно, оказал и Ф. Ф. Фортунатов: речь идет в первую очередь о систематичности и строгости анализа [2, с. 153—181]. Но в центре интересов Холодовича был синтаксис, а в своих исследованиях он руководствовался принципом «от смысла к форме», в силу чего влияние Фортунатова было опосредованным. Вместе с тем Холодович очень высоко ценил

¹ Группа типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР была создана в 1961 г. по инициативе и под руководством А. А. Холодовича.

творчество Фортунатова, в частности, считал, что исследование синтагмы и ее отношения к предложению было проведено Фортунатовым одновременно с Рисом [3 с. 294—295].

В чем же заключалось влияние Л. В. Щербы, который, как известно, мало занимался вопросами синтаксиса? Прежде всего следует отметить, что Щерба ясно видел значение общей грамматики. Как отмечает В. В. Виноградов, «сравнительно-исторической грамматике старого типа Щерба... противопоставляет типологическое исследование языковых структур. Он выдвигает как одну из центральных задач общего языкознания сравнительное изучение структуры или строя различных языков» [4, с. 160]. Разработка активной и пассивной грамматики дала возможность поставить вопрос о построении «идеологической грамматики». Кроме того, Щербу занимало изучение порядка слов, функций фразового ударения и фразовой интонации в пассивном синтаксисе. Перечисляя задачи активного синтаксиса, он отметил ряд тем, изучение которых и сегодня весьма актуально: выражение предикативности, логического суждения, предикативного качественного определения предмета, количества вещества [4, с. 173—175].

Для А. А. Холодовича основные положения Щербы имели решающее значение, но ему предстояло разработать методику грамматического анализа, одинаково применимую к изучению и конкретных языков, и универсальной грамматики, особенно синтаксиса. Лишь после этого можно было предложить определенную программу исследований по универсальной грамматике, которая была бы органически связана с проблематикой грамматической теории. Вопросам методики посвящена статья Холодовича [5]. В итоге анализа разных подходов автор пришел к выводу, что принципы методики, предложенные Л. В. Щербой, могут быть положены в основу теории второстепенных членов предложения, хотя они и не изложены систематически. Следует отметить, что в концепции А. А. Холодовича эти принципы являются отправным пунктом синтаксического анализа. Центральный вопрос — выявление синтаксических отношений по содержанию, по смыслу: «...необходимо, ...чтобы выделенные по смыслу типовые отношения находили опору в форме, если они хотят быть действительно синтаксическими типовыми отношениями» [3, с. 224]. Опору в форме, как указывал Щерба, можно найти в словесном окружении. «В качестве других средств опознания отношения, выявления нового синтаксического значения он (Щерба.— Д. Л.) указывает на принципы корреляции с другими конструкциями. Нередко сходные внешние явления на деле принадлежат к двум разным типам отношений только потому, что одно явление коррелирует с какой-то иной конструкцией, а другое — нет... В качестве формального признака он выделяет и порядок следования элементов, например, невозможность перестановки и т. д.» [3, с. 225]. Взгляды Л. В. Щербы в значительной мере способствовали разработке современной методики выделения и опознания частных реляционных понятий; это в большой мере удалось сделать А. А. Холодовичу, теорию которого, однако, нельзя считать только развитием идей Щербы. Во многом он был самостоятелен, и лишь в книге Л. Теньера «Элементы структурного синтаксиса», вышедшей в 1959 г. [6], он мог найти мысли, которые отчасти были сходны с его собственными. Методика американской дескриптивной лингвистики была ему чужда, поскольку исходила из совершенно иных теоретических позиций.

Теория А. А. Холодовича сформировалась уже к концу 50-годов, и хотя целостного изложения она не получила, о ней можно судить по мно-

жеству работ. Мы не будем придерживаться хронологического порядка публикаций, а постараемся наметить основные контуры его концепции. В предисловии к собранию работ А. А. Холодовича, характеризуя своего учителя, В. С. Храковский писал: «В своем подходе к языку А. А. Холодович был прежде всего типологом. Он полагал, что все конкретные языки решают одни и те же смысловые задачи, хотя для решения одной и той же задачи в различных языках, да и в одном и том же языке могут использоваться разные способы и средства. Выделить исходные универсальные смысловые задания и установить набор формальных средств, применяемых для их решения, — вот та цель, к осуществлению которой, по мысли Холодовича, должна стремиться лингвистическая типология. Этой цели было подчинено все его творчество» [3, с. 6]. Последователи А. А. Холодовича разрабатывали проблемы каузации, диатезы (пассива, рефлексива и реципрока), результата и предикатного актанта. К сожалению, теория порядка слов А. А. Холодовича, которая стала особенно актуальной в наши дни, не была детально разработана.

2.1. Исключительное значение для А. А. Холодовича имел анализ по принципу «от смысла к форме». В своих работах он постоянно учитывал его. Мы напомним в связи с этим четкие и вместе с тем простые формулировки, которые были выдвинуты Холодовичем в связи с проблемой диатезы и залога. Переход от семантики к синтаксису предполагает учет двух «областей». «Область отправления — это обозначение специальным семантическим языком участников ситуации, выраженной... глаголом. Участники ситуации — это, например, субъект, объект, инструмент, исходная точка, адресат и т. д.» [3, с. 279]. «Область отправления» описывается в универсальных семантических терминах, а «область прибытия» — в универсальных синтаксических терминах членов предложения: «Область прибытия — это обозначение специальным синтаксическим языком участников языковой структуры, т. е. членов предложения: подлежащего, прямого дополнения, косвенного дополнения и т. п.» [3, с. 279]. Соответствие между двумя «областями» образует диатезу: «Диатеза — это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня» [3, с. 284].

Понятие диатезы в течение ряда лет было в центре внимания школы Холодовича, ей было посвящено несколько публикаций. Частным случаем диатезы является залог: «...з а л о г ... обозначение или указание в глаголе соответствия элементов синтаксического уровня элементам семантического уровня» [3, с. 286]. В том случае, если можно определить конечное число единиц области отправления и области прибытия, можно, и даже необходимо, пользоваться исчислением, которое учитывает все логические возможности соответствия. Однако ни один язык не реализует всех заложенных в нем семантических возможностей, и языки отличаются друг от друга набором схем соответствия, или диатез. Идея использования исчисления в лингвистике возникла еще в XVII в., затем ее применяли А. Шлейхер [7] и Л. Ельмслев ([8], ср. [9]).

Проблема залога является одним из центральных вопросов синтаксической типологии и связана с рядом других ее понятий: каузативом, результативом, перфектом, конструкцией предложения и системой падежей и др., но, как правильно отметил А. А. Холодович, «...может быть, проблемой номер один... является проблема выбора залога при порождении текста» [3, с. 291]. Данный круг вопросов является ключевым для пре-

подавания любого иностранного языка, обладающего пассивом, в том числе и русского: «Мы учим иностранца, как образовать тот или иной залог, но как и когда и в каком контексте его употребить или наложить запрет на его употребление, мы иностранцев не учим» [3, с. 292]. Часть проблем, отмеченных автором, вошла в программу исследований школы Холодовича (каузатив, результатив), а ряд вопросов (в частности, связь пассива с контекстом) еще ждет своих исследователей.

2.2. Анализ теоретической концепции А. А. Холодовича позволил выделить основные проблемы, стоявшие в центре его внимания и развитые впоследствии его учениками. Следует, однако, более детально остановиться на синтаксическом компоненте, который был в центре внимания ученого в 50-е годы и служил основой для решения первой «смысловой задачи» — каузации.

Вопросы синтаксиса рассматриваются Холодовичем в цикле статей, из которых наиболее значительной для позднейших типологических исследований следует считать [10], где дается конкретная методика анализа и намечены задачи исследовательской программы. В соответствии с синтаксической концепцией А. А. Холодовича центральное место в предложении занимает глагол. Он является ядром, оптимальное окружение которого составляют актанты, выражающие валентность глагола, а выделение валентностных подклассов глагола осуществляется с помощью ряда операций. Вначале выделяются конфигурации с финитным глаголом, затем определяются оптимальные окружения, которые классифицируются по количеству «мест» (*Светает; Он спит; Она разбила стакан* и т. д.). В дальнейшем окружения оказываются однородными или неоднородными по классам слов (*Малыш читает азбуку; Он собирается спать*), причем члены переменного окружения могут принадлежать к разным уровням (*Он знает меня; Он знает, что я писатель*), т. е. быть словом или предложением. Затем определяются подклассы слов окружения, например, лиц и не-лиц в валентности глагола *дарить: Я подарил ему книгу*. Последняя операция — это «испытание на референта»: *Мы избрали его председателем*, где три члена, но два референта. Такой метод ныне получил широкое распространение и уже давно вошел в практику синтаксического исследования. Но в конце 50-х годов он явился значительным вкладом в методику синтаксического анализа. Метод оказался весьма существенным для типологического исследования разноструктурных языков, которое было бы едва ли возможно без единой методики. Представленный выше ход операций составляет лишь основной раздел общей грамматики: «Есть еще две операции, которые, собственно говоря, принадлежат уже иному разделу общей грамматики — учению о конфигурациях и их соотношении. Мы имеем в виду испытание на обращение и преобразование. В языке помимо основных, исходных конфигураций существуют конфигурации о б р а щ е н н ы е (например: *Письмо мною прочитано* по отношению к *Я прочитал письмо*) и конфигурации п р е о б р а з о в а н н ы е (например: *об его отъезде* в предложении *Я вспоминаю об его отъезде* по отношению к *Он уезжал*)» [3, с. 242]. В циклах исследований школы Холодовича эти две операции стали определяющими при описании диатез и предикатных актантов, которые составляют два важных раздела общей, или универсальной, грамматики и вместе с тем типологии вообще.

В современной универсальной грамматике более или менее переплетаются универсальный и собственно типологический компоненты. А. А. Холодович различал их довольно четко. Упомянутые выше операции относятся к универсальному компоненту, связанному с грамматичес-

кой теорией. На них основывается типологический компонент, который учитывает разнообразие формальных средств конкретных языков. Оба компонента, однако, тесно взаимосвязаны и в данном случае: «...число необходимых операций и их последовательность в немалой степени зависят от характера того или иного языка, в первую очередь от формального потенциала слова в данном языке. Для языка, в котором формальный потенциал слова достаточно велик, очевидно, можно ограничиться некоторым минимумом операций, чтобы в общем безошибочно выделить подклассы и их значения. Все же... с увеличением числа операций увеличивается и надежность выделения подклассов» [3, с. 243]. В определении подклассов слов учитывались «свойства высказывания как объекта», т. е. связи слов без отражения в них семантического плана: «Но слова можно объединять в группы, рассматривая язык не как объект, а как отображение другого объекта (чаще всего действительности). В этом случае выделяются группы отношения (транзитивная группа, факитивная группа и т. п.). Разумеется, что в плане речи они реализуются самым различным способом» [3, с. 254].

2.3. Работа [11] была опубликована А. А. Холодовичем в 1966 г. Она тесно связана с циклом его работ, вышедших в 1959—1961 гг. (в ней учитывается и известная статья Дж. Гринберга о некоторых универсалиях грамматики, и в частности о порядке значимых элементов). Статья А. А. Холодовича ставит целью создание общей теории порядка слов: «Такая общая теория...должна решать по крайней мере две задачи: во-первых, она должна определять общий вид правил порядка слов в предложении, во-вторых, она должна, опираясь на некоторые признаки, или, как теперь принято говорить, параметры, перечислить все логические возможности, существующие в этой области языка, иными словами, дать типологию порядка слов» [3, с. 255]. Следуя традиционной лингвистике и пользуясь терминологией грамматики зависимостей, автор определяет две типологии порядка слов: «правило хозяина» и «правило слуги». «„Правило хозяина“ определяет положение такого элемента *a* относительно такого элемента *b*, которые связаны друг с другом структурно отношением непосредственной зависимости; например: *пью пиво, тяжело дышу, густой туман...* традиционная грамматика интуитивно всегда отмечает положение слуги относительно хозяина, а не наоборот: определение предшествует определяемому, ...дополнение предшествует дополняемому» [3, с. 256—257]. В истории изучения типологии порядка слов (в частности, в универсалиях Дж. Гринберга) основное внимание обращалось именно на этот цикл правил в расположении именных членов предложения (особенно подлежащего и дополнения) относительно глагольного сказуемого. В исследованиях, развивавших типологию порядка слов Дж. Гринберга, «правило хозяина» заняло центральное место: основные типы OV и VO представляют собой два множества правил расположения всех значимых элементов. «Правило хозяина» дополняется «правилом слуги». Последнее «определяет положение такого элемента *b* относительно такого элемента *a*, которые связаны друг с другом не отношением непосредственной зависимости, а отношением зависимости от третьего элемента *a*. Например, в сочетании *возвратил соседу долг* члены бинома *соседу долг* связаны отношением зависимости от слова *возвратил*» [3, с. 257]. Они гораздо сложнее, т. к. один «хозяин» может иметь значительное количество «слуг», причем самых разнообразных по форме и значению. «Правила хозяина», по мнению А. А. Холодовича, предшествуют «правилам

слуги». Об этом свидетельствует, на наш взгляд, и история изучения порядка слов, в которой все еще детально не разработаны «правила слуги».

Рассматривая порядок слов, А. А. Холодович последовательно различает абстрактные возможности расположения биномов: «хозяин — слуга» или «слуга — слуга» и правила порядка слов, которые могут существовать в различных языках. В отношении «хозяин — слуга» абстрактно следует различать свободный и фиксированный порядок. При свободном порядке слов «слуга» занимает оба положения относительно «хозяина» (например, венг. *ebédet főz* «обед готовит», *főz ebédet* «готовит обед»), при фиксированном единственное положение (венг. *jó fiú* «хороший мальчик»). В конкретных языках, в том числе и в венгерском, наблюдается и «переменный» порядок, допускающий и свободное, и фиксированное расположение «слуги». В «правилах слуги» может иметь место «лабильный» порядок (если один «слуга» может занимать относительно другого «слуги» оба положения; ср.: *Сегодня мне не работается* и *Мне сегодня не работается*, т. е. косвенное дополнение и обстоятельство могут взаимно меняться местами), но может быть и фиксированный порядок. Лабильный и фиксированный порядок слов в «правилах слуги» могут совмещаться друг с другом в одном и том же языке.

При изучении порядка слов в конкретных языках особая роль принадлежит исчислению. А. А. Холодович рассматривает лишь возможности в языках с фиксированным порядком слов при наличии двух «хозяев», каждый из которых имеет по два «слуги». В результате получается шесть логически возможных типов расположения «слуг» относительно «хозяев», что и представляет собой исходную базу описания порядка слов. При этом учитывается только синтаксическая структура, правила которой нуждаются в дополнении закономерностями семантического компонента: «...и при отображении семантической структуры на линейную действую правила двоякого рода: правила предиката и правила аргумента. Правила предиката определяют положение аргументов относительно предиката, а правила аргумента — положение одного аргумента относительно другого» [3, с. 266]. В примерах: (а) *помню чудное мгновение*, (б) *мгновение чудное помню* в варианте (а) «слуга» *мгновение* стоит справа от «хозяина» *помню*, а «слуга» *чудное* слева от «хозяина» *мгновение*, а в варианте (б) — наоборот. В семантическом плане предикат *помню* имеет аргумент *мгновение*, предикат *чудное* аргумент *мгновение*. Расположение аргументов относительно предикатов одинаково: предикаты (*помню* и *чудное*) стоят в (а) слева, а в (б) справа относительно аргумента (*мгновение*), т. е. наблюдается простая симметричность. Мы можем полностью согласиться с выводом А. А. Холодовича: «Рассматривая вопросы порядка слов, мы обычно говорим на языке синтаксиса. В действительности следует говорить как на языке синтаксиса, так и на языке семантики одновременно» [3, с. 268]. Выше были представлены лишь проблемы «базисной типологии порядка слов», которой далеко не исчерпывается типологическая проблематика, как это было отмечено А. А. Холодовичем. Специфическая сложность порядка слов состоит в переходе «с многомерного „языка“ синтаксической и семантической структуры к одномерному „языку“ линейной структуры» [3, с. 268].

В работе А. А. Холодовича о типологии порядка слов представлены некоторые существенные черты теоретической базы изучения словоупотребления в рамках универсальной грамматики, причем возможные типы только отмечены. В результате читатель получает хорошее представление о том, как выглядит универсальная грамматика без типологического ком-

понента. По сравнению с универсалиями Дж. Гринберга теория А. А. Холодовича очень абстрактна и, на первый взгляд, ничего не обещает для типолога. Она и не находила отклика среди типологов, в то время как универсалии Дж. Гринберга, основанные частично на конкретных исследованиях и создании комплексной типологии (в работах В. Лемана и других). В наши дни, однако, такая типология натолкнулась на ряд серьезных трудностей: в свете новых результатов типологического изучения строя предложения ставятся под сомнение основные термины и понятия. Кроме того, обнаружались новые типы языков. Это не означает ошибочности эмпирических результатов данного направления, но позволяет считать, что указанная концепция не может претендовать на роль «всеохватывающей» типологии и является лишь частью более общей типологии, которую следует строить на фоне универсальной грамматики. Это соответствует и естественному развитию науки. Разработке такой более общей типологии способствует теория А. А. Холодовича и, может быть, именно она будет служить ее основой или отправной точкой.

В качестве иллюстрации для сопоставления двух подходов кратко представим типологию порядка первого и второго аргумента семантического предиката по «правилам хозяина» у А. А. Холодовича (I, II, III) и порядок расположения аргументов по «правилам слуги» (1, 2). Для простоты первый аргумент обозначается как S (субъект), а второй как O (объект): I. (1) SOV, (2) OSV; II. (1) VSO, (2) VOS; III. (1) SVO, (2) OVS. В результате в I, II, III (1) по «правилам слуги» получаются более обычные основные порядки — SOV, VSO, SVO, а в I, II, III (2) их вторичные варианты — OSV, VOS, OVS. В типологии Дж. Гринберга конфигурации (1) отмечены как первичные, а конфигурации (2) как вторичные варианты, что по данным многих языков не является универсалией: для более полной типологии следует учитывать все возможности взаимодействия правил «хозяина» и «слуги». Рекомендация А. А. Холодовича («следует говорить как на языке синтаксиса, так и на языке семантики одновременно» [3, с. 268]) обращает внимание на необходимость изучения семантически идентичных, но формально-синтаксически неодинаковых структур в различных языках. При сопоставлении русских пассивных конструкций с венгерскими мы обнаружили, что расположение семантических единиц до известной меры одинаково в обоих языках, хотя венгерский не знает пассива, а пользуется разными структурами там, где в русском употребляется пассив.

3. Проект универсальной грамматики был реализован в результате коллективных усилий сотрудников ленинградской типологической группы. К сожалению, мы не имеем возможности остановиться на всех решенных задачах исследовательской программы: для этого мы должны были бы ознакомить читателей с 15 книгами и с десятками статей многих авторов. Поэтому мы ограничимся лишь рассмотрением некоторых идей, которые считаем существенными для развития типологии, высказывая по ходу изложения наши критические замечания.

3.1. Осуществление исследовательской программы началось с изучения каузативных конструкций вообще и морфологического каузатива в особенности. Книга [12] была опубликована в 1969 г.² На материале 15 языков в ней дается детальное описание морфологических каузативных,

² Книга В. П. Неद्याкова [13] была первой монографией об аналитических каузативных конструкциях с немецким глаголом *lassen*.

фактивных и антикаузативных конструкций. В этой небольшой книге содержится предельно сжатая информация, для оптимального изложения которой потребовался бы значительно больший объем. От этого особенно пострадал общий теоретический раздел, в котором мы находим типологически весьма существенные обобщения (ср.: «Можно констатировать большую продуктивность каузативных аффиксов в сочетании с V^{in} , чем в сочетании с V^{tr} . Существуют языки, в которых каузативные аффиксы присоединяются... только к V^{in} ... По-видимому, нет языков, в которых каузативные аффиксы присоединялись бы только к V^{tr} » [12, с. 25—26]). У читателя возникает впечатление, что в книге не хватает заключения, обобщающего результаты анализа конкретных языков; ведь не будет же читатель-нефилолог сам читать все статьи и делать обобщающие выводы вместо авторов. Это, кстати, относится и к другим книгам по универсальной грамматике. В большинстве случаев из-за разноречивых теоретических установок, из-за отсутствия единства в описании конкретных языков определенные обобщения едва ли возможны. Однако там, где имеется единый подход, как в данном случае, они необходимы.

3.2. Одной из центральных «смысловых задач» школы Холодовича было исследование диатезы и залога. Ей было посвящено несколько конференций в Советском Союзе и за рубежом; был опубликован ряд книг, из которых самые интересные [14, 15]. Выше (2.1) мы привели определения диатезы и залога, данные А. А. Холодовичем в 1970 г. В 1972 г. на конференции в Берлине М. М. Гухман подвергла критике его определение: «Положительным аспектом этой концепции является общий характер определения. Неясным, однако, остается, какое содержание придается понятию „ситуация“ и что именно означает в этом контексте термин „субъект“. Далее неясно, категориями какой глубины оперирует данное определение, тем более, что употребляемый без всяких уточнений термин „субъект“ может обозначать а) единицу коммуникативного членения предложения, б) носителя любого признака и в) субъект действия (агенса) в собственном смысле этого слова» [16, с. 27]. Мы согласны с замечанием М. М. Гухман относительно необходимости уточнения определения, что и было сделано в дальнейшем В. С. Храковским, который предложил «называть диатезой соответствие единиц трех уровней: 1) уровня референтов, единицы которого обозначаются как А, Б, В, . . . ; 2) уровня обобщенных семантических ролей референтов, единицы которого обозначаются как Sb , Ob_1 , Ob_2 , Ob_3 , . . . ; 3) уровня участников языковой структуры (= имен референтов), т. е. актантов, единицы которого обозначаются как Π , $D_{пр}$, D_k , $D_{аг}$ » [17, с. 10—11]. В этом определении учитываются три уровня и их соотношения и вместе с тем уточняются семантический уровень и его единицы: «Думается, что было бы неправомерно уровень обобщенных семантических ролей — субъекта и объектов — характеризовать как семантико-синтаксический.... Процедура замены конкретных семантических ролей ролями субъектов и объектов, т. е. операция обобщения, осуществляется в семантической сфере, а не в синтаксической. Другое дело, что обобщенные семантические единицы удобнее сопоставлять с обобщенными синтаксическими единицами» [17, с. 13]. Содержание книг о диатезах и залогах настолько богато, что охарактеризовать его в одной статье просто невозможно. Отметим только, что описаны пассивные, рефлексивные и реципрокные конструкции десятков языков. В публикациях материалов международных конференций по этому кругу вопросов раскрывается широкий диапазон взглядов ученых разных стран и направлений.

3.3. В книге [18] рассматривается сложная проблематика, которая связана с пассивом, но пересекается также с вопросами аспектуальности, перфекта и с рядом других. Теоретическим проблемам посвящена четверть книги, а остальная часть — описанию выражения результата в конкретных языках и его связи с другими явлениями. Редактор книги В. П. Недялков, следуя А. А. Холодовичу, дает широкое определение результата и статива: «Результативом именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие. Различие между стативом и результативом состоит в том, что статив сообщает только о состоянии предмета, результатив же — одновременно о состоянии и о предшествующем ему действии, результатом которого явилось это состояние» [19, с. 7]. Можно вполне согласиться с выводом автора: «На практике отличить статив от результатива... бывает нелегко. Поэтому... этим термином обозначаются и результативы в узком смысле и стативы» [19, с. 8]. Вводный раздел характеризуется такой же четкостью и сжатостью, как и в других книгах, но у читателя возникает впечатление, что изучение этой комплексной проблемы нуждается в продолжении, а то, что уже сделано, представляет собой лишь первый этап исследования (особенно интересной является глава, написанная Ю. С. Масловым, «Результатив, перфект и глагольный вид», в которой прослеживается развитие индоевропейского перфекта).

3.4. Конструкции с предикативными актантами — тема, завершенная совсем недавно. Первый том исследований [20] вышел в 1981 г., а второй [21] — в 1985 г. Вначале перечислим предложения, которые иллюстрируют объект исследования: *Я умею плавать*; *Журналист померил с вопросом*; *Проверка началась*. В этих и аналогичных предложениях минимум один синтаксический актант глагола имеет предикатное значение и выражается инфинитивом, инфинитивной конструкцией, отглагольным существительным или придаточным предложением. В качестве главного слова может выступать не только глагол, но и другая часть речи, а для выражения актанта в разных языках имеется широкий диапазон конструкций. Из описания разных языков хорошо известны разряды глаголов, выступающих в функции главного слова. Они рассмотрены в теоретическом разделе, написанном В. Б. Касевичем и В. С. Храковским. Семантический анализ таких глаголов привел авторов к выводу, что они отличаются непредикатным характером, многие из них не имеют форм императива, пассива и обладают неполной парадигмой. Для того чтобы понять их роль, следует уточнить отношение разных уровней в переходе от смысла к предложению, пересмотреть понятие ситуации и ввести компонент коммуникативной рамки [20, с. 25].

Глаголы, выступающие в качестве главного глагола, названные функциями, можно объединить в два разряда: 1) грамматические (каузативные, модальные, фазовые, аспектуальные, темпоральные, обстоятельственные, таксисные), 2) модусные (речи, мысли, памяти, знания; эмоций; ощущения, представления, восприятия, оценочные). «Классификационная сема грамматических глаголов в принципе может выражаться стандартными грамматическими средствами: аффиксами, служебными словами и др., они не обозначают ситуаций. Модусные глаголы обозначают ситуации, отражающие вербальную и психическую деятельность человека. Вводя пропозицию, любой из этих глаголов делает ее предметом речи, ибо отражает определенное конкретное отношение к этой пропозиции» [20, с. 6]. Актантам модусных глаголов можно приписать и семантические роли, что невозможно для актантов грамматических глаголов.

Обобщение большого эмпирического материала свидетельствует о том, что «оформление предикатного актанта зависит как от морфологического типа языка, так и от семантики» [20, с. 7]. Средства выражения расположены в пространстве между двумя полюсами: на одном полюсе изолирующие языки, не имеющие особых форм для предикатных актантов, а на другом — синтетические языки (типа эскимосского), в которых предикатный актант получает специфическое оформление. Между ними находим большое многообразие средств агглютинативных и флективных языков. Конструкции с предикатными актантами являются разновидностью более широкого класса конструкций, куда входят и конструкции с предикатным сирконстантом и с предикатным определением ([20, с. 7—8], ср. [21, с. 102—118]).

В ходе анализа предикатных актантов последователям А. А. Холодовича удалось глубже и точнее сформулировать постулаты подхода, который дает возможность проследить путь порождения предложения от действительности через семантику к синтаксису. Нам кажется, что своей недавней публикацией [22] сторонники концепции Холодовича, наметив новую программу исследования, сделали большой шаг вперед в этой области. Семантические операции, однако, очерчены лишь «в первом приближении», и детально их можно будет оценить только после выполнения программы.

4. С точки зрения общей типологии концепция А. А. Холодовича и его последователей характеризуется следующими чертами: постулируется универсальная грамматика, ориентированная на функцию, изучаемую через форму; в центре такой грамматики стоит предложение, причем ее особенностью является использование понятия исчисления. Рассмотрим вкратце каждую характерную черту, учитывая и другие подходы к общей типологии.

Еще В. Гумбольдт отметил три направления исследований по общей типологии: изучение типов, общую, или универсальную, грамматику и типологическую характеристику. Главным направлением стало изучение типов, которое часто и отождествляется с типологией. В. Гумбольдт ясно видел, что типы не могут охватить огромного многообразия структуры человеческого языка. Это и естественно. Несмотря на развитие учения о типах, оно может обобщить только часть наших знаний о структуре языка. Такое положение едва ли изменится, потому что развивается не только изучение типов, но накапливаются и обобщаются данные о структуре человеческого языка вообще. Универсальная (или, как раньше она называлась, — общая) грамматика прошла в XIX в. значительный путь, и в наши дни бурный рост общей типологии не может обойтись без учета исследований по универсальной грамматике. Огромной заслугой А. А. Холодовича и его школы является именно то, что они впервые разработали современный подход к общей типологии. Разумеется, универсальная грамматика не снимает необходимости изучения типов. Их соотношение не выяснено, что объясняется в основном тем, что конкретные области их применения различны, в связи с чем их нельзя сравнивать чисто эмпирически. Различны и пути исследования: еще со времен В. Гумбольдта универсальная грамматика рассматривала подсистемы и лишь потом их объединяла. Такой же «тематический подход» наблюдается также в ряде исследований по универсальной грамматике, в которых изучаются понятия субъекта, объекта, транзитивности, эргативности и др., хотя это делается изолированно.

Современное изучение типов является уже комплексным, охватывающим существенные черты нескольких подсистем языка. Ясно, однако, что

универсальная грамматика и изучение типов в конечном счете дополняют друг друга, являясь двумя компонентами общей типологии; противопоставлять их друг другу не имеет смысла. Оба вида исследования имеют «выход» к типологической характеристике отдельных языков, которая не исчерпывается простой иллюстрацией наличия определенных типов в данном языке, а заключается в определении его специфики.

Хотя изучение типов и универсальная грамматика возникли приблизительно одновременно, изучение типов следует считать «старшим братом», его использовали для характеристики многих языков, в исторической грамматике, оно все больше входит в методологию синхронного и диахронического исследования. Универсальная грамматика еще далека от этого. В синхронии ее применяют к описанию отдельных языков, но в диахроническом аспекте сделано мало, здесь следует решить ряд теоретических вопросов, опираясь на анализ истории конкретных языков.

Если пользоваться известными терминами Р. Якобсона «комбинация» и «селекция», то концепция Холодовича и его последователей ориентирована на комбинацию. Смысловые задачи оформляются по линии комбинации: каузация (с учетом каузативных конструкций), диатеза (и пассивные конструкции), результативность (и соответствующие конструкции). Разумеется, современное понимание комбинации уже значительно отличается от того, которое имел в виду Р. Якобсон. Преимущество такого подхода к типологии заключается в том, что открывается непосредственный выход к коммуникации через предложение. Смысловые задачи, однако, можно оформить и с опорой на селекцию, как это делается в кельнском проекте Х. Зайлера, который ориентирован на познавательную функцию и на когнитивную психологию [23]. Как в языковой деятельности, так и в типологии комбинации и селекции коммуникативная и познавательная функции обуславливают друг друга и переплетаются. В ходе осуществления своей программы кельнский проект приближается к комбинации, а вместе с тем и к коммуникации. В концепции Холодовича, как было показано выше, все большее место занимает познавательный аспект.

Для общего языкознания второй половины XX в. характерна ориентация на предложение, что отразилось и в типологии в отличие от прежней типологии, в которой господствовала морфология, а к синтаксису подходили также со стороны морфологии. Есть типологи, которые считают, что возможности морфологической типологии вообще исчерпаны, что явно ошибочно: ведь типологией обобщена лишь незначительная часть морфологической информации, которая служит надежной основой для дальнейшего исследования, как это показывают материалы [24]. Необходимо, однако, заново рассмотреть соотношение синтаксиса и морфологии в теории грамматики и особенно в типологии. Результаты исследований сторонников концепции Холодовича и других типологических направлений с ориентацией на синтаксис следует сопоставить с достижениями традиционной типологии, ориентированной на морфологию, на изучение ресурсов селекции. При этом нельзя забывать о том, что средства селекции не просто служат для комбинации, но имеют свои собственные закономерности.

Методологический прием исчисления в форме принципа или конкретного метода был свойствен общей и универсальной грамматике в ходе всего ее исторического развития. Как отмечено выше, исчисление имеет свои преимущества не только в принципе, но и на практике. Его применение зависит от объекта и степени его изученности, оно предполагает объект, который уже хорошо изучен и его компоненты надежно опреде-

лены. Если этого нет, то можно использовать его лишь в качестве принципа, требующего учета всех факторов и их сочетаний с точки зрения семантики и грамматики.

В наши дни бурное развитие типологии вызывает необходимость создания книг, излагающих достижения типологии в форме, доступной для лингвистов-нетипологов. Такие книги публикуются и пользуются большой популярностью. Разумеется, в каждой из них, несмотря на стремление к объективности, отражаются и особенности определенных теоретических направлений. Видимо, уже назрело время подытожить теорию, методику и результаты исследований Холодовича и его последователей с учетом современного состояния типологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Холодович А. А. Фердинанд де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.
2. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. I. М., 1956.
3. Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
4. Виноградов В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды академика Л. В. Щербы // Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
5. Холодович А. А. О второстепенных членах предложения (из истории и теории вопроса) // ФН. 1959. № 4.
6. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. P., 1959.
7. Schleicher A. *Zur Morphologie der Sprache* // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences St. Petersburg*. Ser. VII. 1859. T. 1. № 7.
8. Hjelmslev L. *Principes de grammaire générale*. Copenhagen, 1928.
9. Whitfield F. J. Louis Hjelmslev's position in genetic and typological linguistics // *Travaux linguistiques de Copenhague*. 1980. 20.
10. Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов // ВЯ. 1960. № 1.
11. Холодович А. А. К типологии порядка слов // ФН. 1966. № 3.
12. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.
13. Неделков В. П. Каузативные конструкции в немецком языке. Л., 1971.
14. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. Л., 1974.
15. Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
16. Guchman M. M. *Die Ebenen der Satzanalyse und die Kategorie des Genus verbi* // *Satzstruktur und Genus verbi*. Berlin, 1976.
17. Храковский В. С. Диатезы и референтность (к вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках. Л., 1981.
18. Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
19. Неделков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
20. Категория глагола и структура предложения. Конструкции с предикатными актантами. Л., 1981.
21. Дажё Л. Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской. Будапешт, 1984.
22. Типология конструкций с предикативными актантами. Л., 1985.
23. *Language invariants and mental operations*/Ed. by Seiler H., Brettschneider G. Tübingen, 1985.
24. Теоретические основы классификации языков мира. I—II. М., 1980—1982.